

только более или менее подавлено, искривлено или задушено, является истинным мерилom эстетической и нравственной ценности литературы XVIII в.

С наибольшей обстоятельностью новый взгляд на человека, структуру его сознания и отношения с миром природы, с обществом впервые в русской литературе обосновал в своих «Сатирах» Кантемир. Человек, с точки зрения новой литературы, литературы классицизма, действует не под влиянием трансцендентных сил (не по наущению дьявола или велению бога), в нём самом есть страсти, которые определяют его поступки, его поведение в обществе. Локковский психологический эмпиризм дал метод для определения человеческой природы как *tabula rasa*, на которую действуют страсти чисто интеллектуального — не эмоционального — характера; это страсти разума, а не сердца, их природа доступна разуму, может быть им понята и объяснена до конца. Человеческая индивидуальность именно в таких увлечениях, в самоподчинении страсти и проявляется, притом очень часто во вред самому же носителю страсти.

Литература классицизма расклассифицировала людей по видам характеров, понимаемых как выражение одной, всеподавляющей страсти. Конкретный эмпирический материал быта и нравов получил рациональное, ясное, наукообразное объяснение. Человек был понят, тайны и загадки его бытия и его сознания исчезли из поля зрения литературы, вместо барочной антиномичности мира и человека как жертвы этой антиномичности литература русского классицизма увидела в человеческой природе нечто очень родственное миру природы. Общество и природа, понятая подобно обществу, стали рассматриваться как механический, рационально постижимый конгломерат отдельных особей, свободных атомов, для общества — индивидуумов. Общечеловеческое в природе человека объявлено было главным, а все остальное — национальное, сословное — второстепенным или совсем несущественным.

От Кантемира до Крылова господствует в литературе XVIII в. общее, единое представление о человеке как о механическом соединении рационально понимаемых страстей. Кантемир пишет об этом особую сатиру, Ломоносов заставляет Н. Н. Поповского перевести «Опыт о человеке» А. Попа — одно из самых значительных художественных обоснований такого, рационально-эмпирического понимания человека, о нем же со ссылкой на Локка пишет в одной из своих статей Сумароков.

В основном в пределах этой системы понятий написано даже «Чистосердечное признание» Фонвизина, хотя в нем уже есть категория «чувствительности», отсутствие которой Радищев считал наибольшим недостатком ломоносовской поэзии.

Литература классицизма, как и вся рационалистическая просветительская мысль с конца XVII и особенно в XVIII в., хотела она или не хотела этого, разрушила средневековое патриархально-